

DOI: 10.15372/HSS20170213
УДК 394(571)"15/17"

А.А. ЛЮЦИДАРСКАЯ, Н.А. БЕРЕЗИКОВ

ОГРАЖДЕНИЯ КАК ЗНАКОВАЯ МАРКИРОВКА ОХРАНЯЕМОГО ПРОСТРАНСТВА (СИБИРЬ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII в.)

Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр-т Ак. Лаврентьева, 17

В статье рассмотрен феномен ограждений в культуре Сибири, связанный с освоением территории русскими в XVII в. Проанализированы происхождение, назначение и эволюция деревянных стен и земляных валов острогов, а также заборы дворов, принадлежавших крестьянам и горожанам, изгороди сельскохозяйственных угодий. Основной акцент сделан на семиотическую функцию указанных конструкций. Представлена типология ограждений в соответствии с властными установками царской администрации в Сибири и сложившимися канонами в российской культуре. Выявлены функции и символично-знаковая нагруженность этих конструкций. Феномен ограждений включен в контекст восприятия социокультурного и политико-правового пространства в условиях расширяющегося государства и общественной мобильности.

Ключевые слова: Сибирь, русские, колонисты, деревянное зодчество, граница, защита, ограждения, заборы, стены, остроги, символ, знак.

A.A. LUTSIDARSKAYA, N.A. BEREZIKOV

BARRIER AS SIGN MARKING THE PROTECTED AREA (SIBERIA OF THE LATE XVI – EARLY XVIII CENTURIES)

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090, Russia

The subject of the article is wooden and ground constructions connected with fencing in Siberia in the XVII century. The authors study such constructions as walls and other elements of fortresses. The research objective is to reveal sign and symbolic functions of barriers in the ethnic, political and social space of a colonized territory. The authors analyze the Siberian documents, archeological data, graphic, and folklore materials. They use a semiotic-phenomenology paradigm both in its classic and post-Foucauldian interpretation as the main method of research. The authors refer to the modern Russian ethnographic school devoted to ethnic-symbolic colonization and sociological-anthropological research of the urban symbolic spaces. As a result the authors argue that the barriers had defensive functions at the beginning of the XVII century and provided three security levels: state, public and individual ones. However, very soon the government turned the walls and other fencing into a discipline strategy for people in Siberia. Furthermore, the barriers performed the important elements of the ethnical, political and social hierarchical representation of Siberia under the control of Russia. These facts showed no transparency of the institutional environment and the government endeavor to limit social mobility or at least set it under the administrative control. The author's findings are that there were two trends during the period under study: the first one was connected with main cultural characteristics of the Russian space as continuously dispersing territory with huge migrants flows; the contrary second trend was in fixing people to the place of their living and proper social groups. In that case the fencing was the appropriate symbol of the Russian government efforts to shape the vast territory.

Key words: barriers, borders, colonists, fortress, Russians, safeguard, Siberia, symbol, walls, wooden architecture.

Анна Алексеевна Люцидарская – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: lucid1@yandex.ru

Николай Александрович Березиков – младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: warumbaum@gmail.com

Anna A. Lutsidarskaya – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, e-mail: lucid@ngs.ru

Nikolay A. Berezikov –researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, e-mail: warumbaum@gmail.com

Установление границ пространства является, по сути, делением территории на «свою» и «чужую». Необходимым элементом такого действия становятся знаки, подтверждающие данное разделение. Знаки могут быть различными – от простого забора до воензированной заставы, но именно они символизируют и определяют претендента на ограниченную территорию. В.Н. Курилов и А.Ю. Майничева писали в исследовании, посвященном архитектуре Сибири XVII в., что рассмотрение морфологии форм сибирской деревянной архитектуры связано с пониманием принципов структурирования и упорядочивания пространства [1, с. 73].

Обращение к проблеме организации пространства сибирских первопоселенцев XVII в. объясняется прежде всего интересом к изучению городской повседневности, взаимодействия русского и аборигенного миров, а также практик межэтнического общения. Городская социальная среда дает ресурсы для развития, поддерживает и охраняет социальные коммуникации, но также создает риски для межкультурного общения и выстраивания этнического диалога. Город становится, по определению Р. Парка, социальной лабораторией, генератором социальных проблем и социальных изменений [2, с. 3]. Публичные и приватные пространства задают статусные позиции субъектов, их направленность и дистанцию. С. Лаймен и М. Скотт дифференцируют территории по критериям: регламентированность–свобода, замкнутость–открытость, контролируемость–неконтролируемость, что является отражением правил, прав и возможностей доступа на территории [3, с. 213].

Важное место в методологии исследования занимает понятие «культурная граница». Рассматривая культурные границы в связи с этничностью, Ф. Барт интерпретировал последнюю как форму социальной организации культурных отличий. По его мнению, маркирующие этническую группу характеристики являются результатом исторических, политических и экономических условий и конкретных ситуаций, а сама этническая граница представляет собой акт сознания человека [4, с. 144].

Анализируя групповую деятельность человека, Х. Патшайдер отмечает, что «человек организует свою жизнь, используя символы и знаки, и таким образом создает собственный символический мир... для установления и сохранения границ между людьми» [5, с. 153–154]. Все окружающие человека объекты и явления маркированы и рационально, и эмоционально в большей или меньшей степени. Если преобладает рациональная психологическая маркировка объектов, окружающих человека, то они выступают как профанные в сознании, и наоборот, эмоциональная насыщенность этих объектов способствует их возвышению и сакрализации в мировоззрении.

Начавшись как простой утилитарный элемент жилища, ограждающий от внешних угроз, стены очень скоро стали отражением всего общественного устройства. Ограждения опосредуют собой террито-

риальность как социальное явление и выступают символами, связывающими различные уровни идентичности, своей и чужой, частной и публичной, этнической и гражданской.

Исторически стены впервые появились вокруг городских поселений, затем принцип ограждения распространился на сельские поселения и в конце концов стал стандартом для отдельного жилища. Стремление к очерчиванию своей территории имплицитно присуще каждой культуре. Территориальность удовлетворяет три потребности человеческого сообщества: в эффективном использовании пространства, в самоидентификации и безопасности. Ограждение территории обитания и проживания позволяет организовать поведение внутри сообщества, определяя доступ и виды деятельности в пространстве [6, с. 814]. Таким образом, ограждение территории задает соответствующие поведенческие обычаи насельников и их гостей. Стены-барьеры становятся материальным проявлением социально-психологического ощущения собственности, с их помощью люди маркируют территорию. Ограждения служат предупредительными знаками, позволяющими предотвратить нарушение порядка.

Территориальные владения делятся, по мнению Альтмана, на три типа по их отношению к ограждениям: первичная, вторичная и публичная территория. Первичная территория – это пространство, которым человек владеет или которое он контролирует на относительно постоянной основе. Вторичные территории менее важны для людей, и контроль над такими пространствами может распределяться или подчиняться принципу ротации. Публичные территории открыты для всех членов сообщества, например, улицы или площади и торги [7, с. 36–37].

Пришедшая в Сибирь в конце XVI в. российская власть начала с активного строительства. Она выстраивала новую архитектуру территории как в поселенческом плане, так и в огораживании и маркировании сельскохозяйственных и охотничьих угодий. Освоение Сибири преследовало цель не только расширения границ государства, но и организации нового пространства, что проявлялось в утверждении святынь и мест, обладавших повышенным социальным статусом. Без должного благоустройства пространства Сибири не реальным был доступ к ее богатейшим ресурсам.

Пространство Сибири в начальный период колонизационного процесса не имело сколько-нибудь четких границ. Коренное население оказывало сопротивление колонистам, и отдельные территории длительное время оставались зонами военных конфликтов. В этой исторической ситуации постройка острогов с крепостными стенами и высокими проезжими башнями символизировала новую власть. Возведенная крепость в чуждом пространстве имела колоссальное значение для колонистов, обеспечивая им не только реальную защиту, но и ощущение организованности территории, создание привычного бытия. Обязательной принадлежностью крепости были не только стены с бойницами, пушки и пищали, но и икона над проезд-

жими воротами, призванная освящать отвоеванное, «языческое» пространство. В дальнейшем на территории крепостей возводились часовни, а если поселение имело дальнейшую перспективу роста, то и церкви. Для аборигенов Сибири первые остроги представляли собой невиданные по местным масштабам сооружения и служили знаками могущества власти московского царя [8, с. 154].

До настоящего времени дошли артефакты военно-фортификационной архитектуры периода освоения Сибири конца XVI – начала XVIII в., представленные остатками Илимского, Якутского, Братского и других острогов. Оборонное зодчество было заметным явлением, маркировавшим суть происходящих историко-политических процессов.

Картограф, летописец XVII в. С.У. Ремезов в «Чертежной книге Сибири» предоставил типологию населенных пунктов Сибири в целом и, в частности, по устройству их укреплений [9, с. 171]. Приводимая им классификация была типичной для «городового дела» в Московском государстве. Если населенный пункт был обнесен «стоячим тыном», то такое укрепление он называл «острогом». В случае, если наряду с «тыном» строители ставили башни и их число превышало четыре, то такое поселение Ремезов называл городом или «градом». Это происходило даже в тех случаях, когда в укреплении отсутствовали «рубленные» стены, а в наличии были только «рубленные» башни. К полноценному городу он относил укрепление, обнесенное рублеными стенами с башнями.

Простейшим типом фортификационного сооружения являлось зимовье. Первые землепроходческие зимовья были рассчитаны на оборону посредством «лучного», а не «огненного боя», что и обусловило устройство нагородней (продолжением срубов) [1, с. 14]. Зачастую зимовье после строительства сруба огораживали деревянной стеной. В этом случае такое крепостное сооружение называли острогом. Различались остроги по виду стеновой конструкции, наличию и числу башен, выстраивавших облик этих сооружений. Элементарным видом острога была постройка из тыновой ограды при отсутствии башен. Самую тыновую стену могли сделать «стоячей», «косой» или в сочетании с земляным валом. Судя по сохранившимся источникам, в Сибири был представлен весь спектр тыновых оград. Во многих острогах на начальном этапе их существования (Томский, Илимский, Енисейский) возводились стоячие тыновые стены и рубленые башни. В грунт или в земляной вал строители врывали заостренные бревна, составлявшие стены, бревна связывались друг с другом горизонтально. Бойницы вырубались в бревнах-тынинах. Прочности всей конструкции, прежде всего тыновой стене, придавалось большое значение.

Ярким свидетельством значимости города было существование специального ритуала его закладки. Тексты «закладного чина» известны по требникам – собраниям молитв и священнодействий. Ритуал начинался с освящения территории будущего города.

Согласно «закладному чину» в первую очередь расчленивали крепостные стены и освящали их основание, а затем уже определяли места для храмов и других общественных построек [10, с. 27]. Старинный ритуал был соблюден при закладке в 1647 г. нового Томского города-кремля: в честь начала строительных работ отслужили торжественный молебен, освятив территорию будущего города и его укрепления [11, с. 100, 156].

Заселение новой территории предполагает ее соответствующее обустройство, прежде всего прокладывание дорог, определение границ и утверждение святынь и мест, обладающих повышенным социальным статусом. Упорядоченная территория делится на центр и периферию, места для живых и мертвых, культовые центры. Стратегически важные остроги перерастали в города, где сосредоточивались гарнизоны и управленческий аппарат, развивались торговля и промышленность. Наиболее перспективными оказывались поселения, расположенные на пересечении торговых путей, а также в благоприятной для развития земледельческой зоне. Человек полностью самореализовался только в случае осознания места своего обитания. Психологическая взаимосвязь с окружением и домом придавала жизни колонистов конкретную форму. С домашним пространством было связано выполнение периодических и окказиональных ритуалов. Феномен жилища включал различную «стилистику» поведения людей в доме и за его пределами [12, с. 12–13].

Территория, принадлежащая дому (двору), могла быть как замкнутым, ограниченным для чужих пространством, так и открытой системой общения. Подобно другим компонентам культуры жизнеобеспечения, жилище выполняло двойственную социальную функцию: оно соединяло людей, и оно же их разъединяло [13, с. 65]. В сибирских, как и в прочих русских поселениях городского и сельского типов, единицей отчета индивидуальной территориальной собственности являлся двор, где проходила вся жизнь человека (хозяина) и его семьи. Естественным образом территория двора имела знаковое подтверждение, и таким знаком являлось ограждение.

Ограждения собственного пространства сибирских первопоселенцев мало отличались от привычных русскому человеку оград европейской части страны. Названия ограждений, как правило, повторялись. Основными видами границ территориальной собственности сибирских горожан оставались заборы различных конструкций и видов. Собственно двор, «дворовое место» чаще всего были огорожены заплотом. Характерно, что термин «заплот» употреблялся на Русском Севере в XVI–XVII вв. для обозначения стены или ограждения, построенных техникой замета. Заплот был широко распространен в Сибири и сохранился вплоть до XX в. В источниках встречаются описания усадеб, где и двор, и огород забраны «в заплот». Конструкция оград, выполненных приемом замета (заплота), состояла из прясел. Такое прясло представляло собой два вертикально врытых в землю столба, в каждом из которых со стороны другого столба выбирали паз.

В эти пазы вставляли затесанные и пригнанные «пальца» горизонтально уложенных бревен, которые клали одно на другое до нужной высоты. Такая ограда иногда называлась также лежачим тыном [14, с. 28].

Подобные ограждения были обычны для Западной и Восточной Сибири. Термины «двор огорожен в заплот в столбы», «двор огорожен заплотом», «двор огорожен кругом в столбы», «двор огорожен заплотом с столбы и покрыт» встречаются в Переписной книге строений Иркутска, Илимска и близлежащей округи. Другой тип ограждения визуально повторял конструкцию городских укреплений и именовался частоколом. Чаще всего частоколом огораживались огороды. «Двор в заплота, огород в частоколе» – наиболее часто употребляемое описание ограждений дворов сибирских горожан. Однако частокол применялся и в ограничении территорий дворов [15, с. 144].

В лесостепной полосе Сибири применялся еще один тип ограждений, не получивший широкого распространения, – это плетень, изготовленный из прутьев. Такой забор делил пространство, однако серьезной преградой не являлся. Не была защитой от нападений и городьба, состоявшая преимущественно из жердей или иного подручного материала [16, с. 83]. Городьба делалась для ограждений пастбищ или же использовалась в качестве знака собственности на незначительную территорию, предназначенную для хозяйственных нужд. Можно предположить, что в Сибири в исследуемый период городьбу применяли как средство разграничения пространства, которое в дальнейшем обретало иную форму.

Крепкий забор должен был надежно защищать усадьбу не только от нежелательных посетителей, но и от нередких в те времена преднамеренных нападений. Заплот и частокол в целом отвечали этим требованиям. В качестве доказательной базы можно привести примеры из архивных документов XVII – начала XVIII в. К ряду жилых комплексов сибирских городов XVII в. вполне может подойти выражение «мой двор – моя крепость». И действительно, дворы огороженные «в заплот» мощными бревнами, а подчас глухими стенами жилых или хозяйственных построек, иногда представляли собой нечто вроде маленьких крепостей и использовались как оборонительные пункты. В источниках XVII в. часто встречаются сюжеты, когда дворы выдерживали осаду злоумышленников. Подобным образом в середине XVII в. использовали жилой комплекс нарымские служилые люди. «...И мы от них заперлись на дворишке в хоромях», – говорилось в источнике (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 212. Л. 10). В этот же период в Нарыме, во время конфликта воеводы с оппозиционно настроенными горожанами, последние заперлись от людей воеводы во дворе. И «...по дворишку нашему стрелял и хоромы и сени и ворота испробил во многих местах...», – писали нарымчане в своей челобитной. Далее из документа следует, что двор выдержал осаду и достать смутьянов воеводским приспешникам не удалось (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 212. Л. 17).

В Средние века было распространено убеждение, что всякое изменение неизбежно ведет к упадку. Все, что меняется, теряет свою ценность, – гласит автор XII в. Таким образом, замкнутость территории обеспечивала стабильность, предохраняла от изменений извне. В случае острожных городских стен обеспечивалась защита от влияния языческого мира [17, с. 135]. Однако уже к концу XVII в. эта тенденция начинает нарушаться, и некоторые избы стали выходить окнами на улицу, что было очень важно для преодоления закрытой системы домашнего быта. Открытости жилого пространства способствовала практика хождения в гости «хлеб есть». Деятельность горожанина все больше выходила за пределы его двора. Менялись роли различных социальных слоев горожан, менялось зонирование городской территории. Это проявилось в снижении значения укрепленного центра города и возрастании роли торгового. Аналогичные изменения происходили и в городской архитектуре: монументальные острожные стены, башни, фортификационные сооружения выходили из активного оборота деревянного зодчества Сибири, заменяя реальные фортификационные сооружения знаковыми импликациями [18, с. 16]. Особенно это касалось крупных сибирских городов, которые становились все более открытыми для торговли и внешних связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курилов В.Н., Майничева А.Ю. Крепость и храм: Тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 94 с.
2. Парк Р. Город как социальная лаборатория / пер. С.П. Банковской // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12.
3. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
4. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. стат. / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
5. Патшайдер Х. Ритуалы и символы, создающие повседневные границы // Кочующие границы: сб. стат. / под ред. О. Бредниковой и В. Воронкова. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 1999. С. 139–145.
6. Edney J. The psychological role of property rights in human behavior // Environment and Planning. 1976. Part A, issue. 8. P. 811–822.
7. Altman I. The environment and social behavior: Privacy, personal space, territoriality and crowding / Consulting ed. L. S. Wrightsman. Monterey: Brooks / Cole Pub., 1975. 256 p.
8. Люцидарская А.А. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: История и культура. Новосибирск: Наука, 1997. С. 152–158.
9. Добжанский В.Н., Ермолаев А.Н. Рисунок Каштакского острога и рудника из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова // Вестник Кем. гос. ун-та. 2014. № 3–2. С. 170–175.
10. Черная М.П. Томский кремль середины XVII – XVIII в. Томск: Том. Ун-т, 2002. 184 с.
11. Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 гг. Новосибирск: Наука, 1989. 385 с.
12. Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.
13. Люцидарская А.А. Хронотоп первых сибирских колонистов // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 64–67.

14. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1992. 197 с.

15. Люцидарская А.А. Усадебный комплекс Восточной Сибири начала XVIII в. // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 144–149.

16. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов. Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 144 с.

17. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.

18. Березиков Н.А. Крепостное зодчество в Сибири в конце XVI – начале XVIII в. // Баландинские чтения. Т. 11. № 1. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2016. С. 12–17.

REFERENCES

1. Kurilov V.N., Mainicheva A.Yu. The fortress and church: the trends of Russian culture in architecture. Novosibirsk, 2003, 94 p. (In Russ.).

2. Park R. The city as a social laboratory. *The Sociological Review*. 2002, vol. 2, no. 3, pp. 3–12. (In Russ.).

3. Filippov A.F. The space sociology. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2008, 285 p. (In Russ.).

4. Barth F. (ed.). Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference. Moscow, Novoe izdatelstvo, 2006, 200 p. (In Russ.).

5. Patscheider H. Rituals and symbols creating barriers in everyday life. *Migrating borders*. Saint Petersburg, 1999, pp. 139–145. (In Russ.).

6. Edney J. The psychological role of property rights in human behavior. *Environment and Planning*. 1976, part. A, no. 8, pp. 811–822.

7. Altman I. The environment and social behavior: privacy, personal space, territoriality and crowding. Ed. L. S. Wrightsman. Monterey, Brooks / Cole Publ., 1975, 256 p.

8. Lutsidarskaya A.A. The Siberian colonization: man and space. *The Siberian folks: history and culture*. Novosibirsk, 1997, pp. 152–158. (In Russ.).

9. Dobzhanskii V.N., Ermolaev A.N. S.U. Remizov's drawing of Kashtack fortress and mine. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, no. 3–2, pp. 170–175. (In Russ.).

10. Chernaya M.P. The Tomsk Kremlin in the middle of the XVII–XVIII centuries. Tomsk, 2002, 184 p. (In Russ.).

11. Pokrovskii N.N. Tomsk in 1648–1649. Novosibirsk, Nauka, 1989, 385 p. (In Russ.).

12. Baiburin A.K. Housing in the East Slavs rituals and ideas. Leningrad, Nauka, 1983, 191 p. (In Russ.).

13. Lutsidarskaya A.A. The chronotope of the first Siberian colonists. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkhologo-etnograficheskikh soveshchaniy*. Tomsk, 2010, pp. 64–67. (In Russ.).

14. Lutsidarskaya A.A. The old inhabitants of Siberia: historical and ethnography essays (the XVII – early XVIII centuries). Novosibirsk, Nauka, 1992, 197 p. (In Russ.).

15. Lutsidarskaya A.A. A manor complex in East Siberia at the beginning of the XVIII century. *Pamyatniki byta i khozyastvennoe osvoenie Sibiri*. Novosibirsk, 1989, pp. 144–149. (In Russ.).

16. Mainicheva A.Yu. The architectural and building traditions of the North Ob peasants: problems of the evolution and contacts. Novosibirsk, 2002, 144 p. (In Russ.).

17. Gurevich A.Ya. The concepts of the medieval culture. Moscow, Iskustvo, 1984, 350 p. (In Russ.).

18. Berzиков N.A. Fortress architecture in Siberia in the late XVI – early XVIII centuries. *Balandinskie chteniya*. Novosibirsk, 2016, vol. 11, no. 1, pp. 12–17. (In Russ.).

Статья принята
редакцией 03.04.2017